

Алла Грачева

ДЕТСКАЯ ПРОЗА 1920-Х ГГ. ЗАПРЕЩЕННОЙ ПИСАТЕЛЬНИЦЫ АНАСТАСИИ ВЕРБИЦКОЙ

Во вступительной заметке к публикации анализируются причины читательского успеха «современных романов» А. А. Вербицкой «Дух времени» и «Ключи счастья» у молодежной читательской аудитории 1910-х гг. В этих бестселлерах писательница смогла соединить разноплановую, эстетически и политически актуальную, интересующую молодое поколение тематику с поэтикой жанров авантюрного и приключенческого романа. Вербицкой удалось достигнуть, по определению К. И. Чуковского, успешного «сочетания Рокамболя и Дарвина, Пинкертона и Маркса». Запретив в 1924 г. романы Вербицкой, новая власть в лице Н. Бухарина дала задание писателям создать новую развлекательную литературу, своего, «коммунистического Пинкертон», фактически призывая литераторов продолжить стиливые традиции отвергнутых и запрещенных ею литературных опытов Вербицкой. В Приложении впервые по архивным источникам публикуются рассказы Вербицкой 1920-х гг.: «Джой», «Как Лютик сделался коммунистом», «Наши пионеры», «Воспоминания о Ленине пионерки Шуры Андреевой, записанные с ее слов».

Ключевые слова: А. А. Вербицкая, жанр авантюрного романа, беллетристика, советская детская литература

К 1917 г. — времени начала Великой российской революции и личная, и творческая судьбы Анастасии Алексеевны Вербицкой (1861–1928), полностью состоялись и были, казалось бы, успешными¹. Отцом Анастасии был потомственный дворянин, полковник Алексей Абрамович Зяблов. Ее мать происходила из знаменитого артистического рода Мочаловых. По сути, их брак был мезальянсом. Ранняя смерть отца подорвала материальное положение семьи.

Алла Михайловна Грачева

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
Санкт-Петербург
ichnelat@rambler.ru

В 1870 г. Анастасию и ее сестру Александру отправили на обучение за казенный счет в московский Елизаветинский женский институт. Когда соученицы узнали, что со стороны матери сестры по происхождению не дворянки, а «актерки», разразился скандал, в ходе которого Анастасия страстно защищала и театр как таковой, и служителей Мельпомены. После окончания института она работала гувернанткой. Обладая великолепным голосом, Вербицкая поступила в Московскую консерваторию, но должна была покинуть ее из-за невозможности платить за обучение. Затем девушка была приглашена в Елизаветинский женский институт на должность учительницы музыки и регента хора. По статусу этого учреждения она была вынуждена оставить преподавание в нем после брака с небогатым межевым инженером Алексеем Васильевичем Вербицким. Несмотря на рождение трех сыновей, один из которых был инвалидом, все по той же причине – из-за недостаточности материальных средств, будущая писательница долгие годы обучала музыке и пению учениц московских женских гимназий. Потребность в дополнительном заработке обусловила обращение Вербицкой к журнальной работе. Она была корректором, переводчиком иностранных материалов, составителем компилятивных обзоров. Ее первым опубликованным произведением стала повесть «Разлад» (1887), написанная под впечатлением от несправедливого увольнения сотрудников прогоревшей газеты. С конца 1880-х и в 90-е гг. Вербицкая, не переставая работать учительницей, создавала рассказы и повести, героями которых были скромные интеллигенты — учителя, студенты, земские врачи и т. д. Фактически это были ничем не примечательные, средние по художественному уровню реалистические произведения, не выделявшиеся на общем фоне пред-чеховской прозы.

Писательница никогда не скрывала своих демократических взглядов, участвовала в бесконечных сборах средств на нужды той или иной противоправительственной организации. В 1905 г. во время московского вооруженного восстания она предоставила свою квартиру для проведения одного из собраний Московского комитета РСДРП. Трагический фейерверк московских событий 1905 г., личное знакомство с неординарными личностями — революционерами, — все это произвело на Вербицкую сильнейшее впечатление. От фиксации серых будней и персонажей «малых дел» ей захотелось перейти к изображению ярких трагических событий и их героев. И адресовать свои произведения, главным образом, тем читателям, кто был способен увлекаться яркими личностями, ве-

речь в их существование и в их победу над силами зла — то есть обращаться к молодежной, преимущественно гимназической и студенческой, аудитории.

Новая художественная задача потребовала иной поэтики, отличной от эпигонского подражания классикам русского реализма XIX в. И Вербицкая обратилась к воспоминаниям своей юности — времени «запойного» чтения институтками французских романов-фельетонов. Ее эстетическим «ноу-хау» стало сочинение романа о московском вооруженном восстании как произведения-«*goscambolisque*», то есть созданного в стиле творений французского писателя Пьера Алексиса Понсона дю Террайля, автора серии романов, популярных в России середины XIX в., творений, которые во времена юности Вербицкой уже стали предметом легкого «юношеского чтения». Их главный герой — Рокамболь по ходу развития «саги» о его приключениях превращался из вора и авантюриста в революционера — борца за свободу Ирландии. Московское восстание 1905 г., феерическое появление как бы ниоткуда профессиональных революционных престижистов, удивительные и трагические судьбы фабрикантов-миллионеров, жертвующих деньги на революцию и даже гибнущих в рядах бунтарей, — все это было великолепным материалом не только для трагической «высокой» литературы, но и для беллетристики, способной увлечь, главным образом, молодых читателей. Им-то, в первую очередь, и был адресован роман Вербицкой «Дух времени» (1906–1907). Его героем стал Андрей Тобольцев — красавец, артист, *enfant terrible* семейства московских купцов-миллионеров. Страстная жажда социальной справедливости, бунт против царившего в семье культа «золотого тельца» и видение в духе революции воплощения духа красоты, — все это побуждало Тобольцева сначала отдать на нужды восстания полученное наследство, а затем и самому пойти сражаться на баррикаду. Прихотливо закрученный авантюрный сюжет, перипетии любовного треугольника, образ главного героя, — эти черты новой, а по сути, хорошо забытой романтической эстетики, после эпохи романтизма ставшей достоянием «беллетристики», а затем и бульварной литературы, способствовали громкому успеху «Духа времени», сразу же признанного романом-бестселлером и переведенного на несколько европейских языков [Грачева 2011, 59–73].

В следующем романе «Ключи счастья» (1909–1913) Вербицкая вновь с еще большим успехом применила найденную ею поэтику, соединив ее с безотказно действующим на юных читателей, и, главным образом, на читательниц, мифом о Золушке. В серии из шести

книг, составивших роман, была рассказана история жизни бедной институтки Мани Ельцовой, в дальнейшем подобно Айседоре Дункан ставшей знаменитой на весь мир балериной-«босоножкой». Захватывающий мелодраматический сюжет о метаниях Мани, охватившей страстью к черносотенцу-аристократу Нелидову и любовью к революционеру-миллионеру Штейнбаху, разворачивался на фоне широкой панорамы художественной и политической жизни России и Европы предвоенного времени. Причудливо закрученное повествование включало в себя массу интересных для молодых читателей и особенно читательниц сведений по «модным» тогда политическим, философским и даже медицинским вопросам, содержало описания архитектурных и музейных красот европейских стран, позволяло «услышать» политические дискуссии и эстетические споры, присутствовать на вернисажах и премьерах. Вербицкая, которая долгие годы имела дело с подростковой аудиторией, знала, чем увлечь своего читателя. Современная критика в своем большинстве не разглядела типологической принадлежности произведений «модной» писательницы к книгам, рассчитанным на определенную возрастную читательскую категорию. Рецензенты судили и осуждали творения Вербицкой, сравнивая их с «высокой» «взрослой» литературой, продолжающей «заветы» XIX в. На фоне в целом негативных оценок ведущих критиков выделяется статья К. Чуковского, первое газетное название которой было таким: «Вербицкая (Посвящается учащейся молодежи)». Критик иронично и точно определил и эстетическую, и популяризаторские стороны творений писательницы, увидев в ее романах-бестселлерах «сочетание Рокамболя и Дарвина, Пинкертон и Маркса» [Чуковский 1914, 19–20]. Примечательно, что прагматичная социал-демократическая критика отметила положительное влияние двух прогрессивных романов Вербицкой на душевный настрой именно молодых читателей. Так М. Ольминский писал:

Давно собирался прочесть «Ключи счастья»... Читаю одну главу, вторую, третью... <...> Ту ли книгу мне дали? Разве имя Вербицкой не стало ругательным словом в устах присяжных критиков? Разве ее произведения не объявлены стоящими «вне» литературы? Что такое литература? Если живо, увлекательно написанную книжку «для детей» или «для юношества» не считать литературой, то, очевидно, и «вне литературы» есть хорошие книжки. <...> Не ищите у Вербицкой ответа на проклятые вопросы. Она не умеет, она не в силах ответить. Но если... вдруг пробудится желание вновь увидеть себя молодым в лучшем смысле этого слова, посмотритесь в зеркало через роман Вербицкой... Вы посмеетесь

над ее наивностью, но посмеетесь без вражды, потому что почувствуете в ней вашу собственную честную, юную наивность. Если только, конечно, вы не прокляли лучших порывов собственной молодости. <...> Молодежь зачитывалась «Ключами счастья» — знаменательный поворот! <...> Где правда? Куда идти? Что делать? — эти вопросы может быть и не ставятся молодежью сознательно. Но уже и не отвергаются. Она приближается к их постановке. И поставит, и решит она их по-своему, по-молодому [Неон [М. Ольминский] 1911, 10].

Позднее, в 1926 г. А. В. Луначарский вспоминал:

Я был, пожалуй, единственным человеком, который, ничего не зная об этой статье Ольминского, в большом докладе — «„Ключи счастья“ как знамение времени» — в Женеве уже указывал на то, какая именно сторона в творчестве Вербицкой оказалась пленительной для нашей полуобразованной демократии больших городов, а вместе с тем для студенческой молодежи, для провинциальных читателей и особенно читательниц. В совершенном созвучии с Ольминским я указал, что при всей наивности форм Вербицкая, несомненно является идеалисткой в положительном смысле этого слова и что именно жажда красивой, более прямой, более героической жизни заставила потянуться к ней читателя [Цит. по: Луначарский 1967, 470].

Первая мировая война положила конец феерическому взлету популярности романов Вербицкой. Новая реальность изменила настроения читателей и вследствие этого сделала невозможным дальнейшее создание беллетризованных «сказок» о российских принцах и золушках, кипящих страстями и приближающих революцию в декорациях времени *La Belle Époque*. Вербицкая сама отошла от повторения прозаических форм своих, как она их называла, — «современных романов», и обратилась к жанру романа исторического. Фактологической основой ее последнего, до конца так и не опубликованного произведения — «Иго любви» — стала биография ее бабушки — известной провинциальной актрисы Анастасии Никитичны Мочаловой (урожденной Бушуйкиной).

После октябрьского переворота 1917 г. и проводимой новыми властями ревизии доставшегося наследия империи, в том числе и литературного, Вербицкой было предъявлено обвинение в порнографии. В 1919 г. склад ее изданий был опечатан. Книги были запрещены и спасены от сожжения только благодаря вмешательству М. Горького. Для их проверки на моральную «благонадежность» была создана комиссия под руководством В. Воровского.

Ее члены в течение трех месяцев читали произведения писательницы и признали их безвредными. Но в 1924 г. книги Вербицкой вновь были запрещены. Она пыталась бороться за свое доброе имя, обращалась к Горькому, к своим прежним заступникам из рядов большевиков. В 1926 г. в журнале «На литературном посту» было опубликовано письмо Вербицкой Ольминскому, ответ критика и письменный отклик в ее поддержку участника Московского восстания, большевика С. Мицкевича². В том же году за нее вновь вступился Луначарский: «Произведения этой писательницы наивны, порой даже глуповаты. В них много дешевой романтики, приторности и мишурности. Но в них нет ни малейшей порнографии» [Луначарский 1926, 2]. Однако все попытки отстоять имя и творчество Вербицкой, которые предпринимались эстетически образованными критиками-большевиками и старыми революционерами, не смогли поколебать запретов, наложенных на ее книги.

После смерти мужа и фактического запрета на литературную деятельность под собственным именем материальное положение Вербицкой стало очень тяжелым. В 1928 г. она скончалась в Москве от сердечной болезни.

В последние годы жизни писательница пыталась как-то «адаптироваться» к новым условиям. Подобно целому ряду оставшихся на Родине писателей начала XX в. Вербицкая надеялась найти свою «нишу» в сфере детской литературы. После многолетней педагогической практики в женских гимназиях она наивно предполагала, что сможет писать для юной читательской аудитории страны Советов. В личном архиве Вербицкой в РГАЛИ (Ф. 1042) сохранились рукописи ее опытов в разных жанрах детской литературы, подписанные псевдонимами «Ольгович», «А. Алексеева», «Румшевич». В настоящее время вопрос о реальной публикации каких-то ее произведений для детей остается открытым и требует дополнительного исследования. Примечательно, что при их создании Вербицкая то возвращалась к реалистическим традициям «средней» прозы рубежа XIX–XX вв., то, как могла, воспроизводила тематику и стилистику почти неведомой ей складывающейся «советской» детской литературы. В настоящей публикации показаны оба «направления» позднего творчества писательницы в этой области. Примером первого является рассказ «Джой», сюжет которого — бытовая зарисовка из мира животных, пребывающих вместе со своими хозяевами в безвременном, беззаботном и условном пространстве «дачи». Представление о намерении Вербицкой как-то «подстроить» свою прозу к новым обстоятельствам дают рассказ

«Наши пионеры» — поучительно-ходульное воспроизведение добродетельного поведения юных ленинцев, а также еще один пример моделирования канона «народного» (в данном случае, «детского») мифа о бессмертном вожде («Воспоминания о Ленине пионерки Шуры Андреевой, записанные с ее слов»). «Быличка» о дедушке Ленине основана на «блоках» стандартных «памятных» событий, которые будто бы могли соединять вместе детей-сирот и вождя; стилистика повествования так скована и жестко автоцензурирована, что, возможно, данный опус является полноценным творением самой Вербицкой, созданным по свежим следам начинающейся канонизации и сообразно жанровым образцам подобных легенд. Наибольший же художественный интерес представляет рассказ «из мира животных»: «Как Лютик сделался коммунистом». В нем, сквозь нарочито введенные реалии нового быта, такие как, например, обозначение социального положения хозяйки собаки Лютика — «советская служащая», проступают жестко и точно описанные картины жизни Москвы в первые годы после октябрьского переворота. Неожиданная и опасная авторская ирония видна и в самом названии рассказа. Чудом спасшийся от уничтожения дворовый пес прибивается к стае бродячих собак, и, войдя в их сообщество (коммуна), становится «коммунистом». Скрытый намек на природу новой власти можно прочесть и в последних словах рассказа: «И когда ночью коммуна шла в обход по переулкам, чтобы пошарить по дворам в мусорных ямах, встречаться с ней было жутко. И запоздавший прохожий испуганно шарахался в сторону».

В заключение можно сделать вывод о том, что феноменальный успех бестселлеров Вербицкой «Дух времени» и «Ключи счастья» у молодежной читательской аудитории начала XX в. во многом был связан с удачно найденным соединением разноплановой, эстетически и политически актуальной тематики, вызывающей интерес у юношей и девушек, с поэтикой жанров авантюрного и приключенческого романа, сошедшей с высот классики в область беллетристики. Эти романы должны войти в историю русской литературы как запрещенные и забытые предтечи тех произведений советской литературы для юношества, которые были созданы по озвученному Н. И. Бухариным в 1922 г. на Пятом съезде комсомола заданию³ — дать молодежи страны Советов вместо приключенческой литературы «буржуазного толка» «коммунистического Пинкертон».

Произведения А. А. Вербицкой публикуются по архивным источникам с исправлением замеченных описок и опечаток:

Ольгович [Вербицкая А. А.] 1) «Джой», «Как Лютик стал коммунистом», «Наши пионеры». Беловой автограф с правкой, Черн., черн. кар.; Авторизованная машинопись. Б. д. — РГАЛИ. Ф. 1042. Оп. 1. Ед. хр. 33. 27 лл.; 2) «Воспоминания о Ленине пионерки Шуры Андреевой, записанные с ее слов». Беловой автограф с правкой. Черн., черн. кар. Б. д. — РГАЛИ. Ф. 1042. Оп. 1. Ед. хр. 46. 3 лл.

Рассказы «Джой», «Как Лютик сделался коммунистом», «Наши пионеры» сохранились в едином архивном блоке, содержащем автограф каждого рассказа и авторизованную машинопись его текста с правкой. Они публикуются по авторизованной машинописи; при выявлении дефектов печатного варианта учитывается текст автографа. Рассказ «Воспоминания о Ленине пионерки Шуры Андреевой, записанные с ее слов» печатается по автографу с незначительной карандашной правкой.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Ольгович [А. А. Вербицкая]

I.

Джой

У нас была собачка. Звали ее Джой. По-английски это значит — радость, и казалось, что никогда кличка не подходила так к животному, как в данном случае. Собачка была необычайно резва и шаловлива, минутки не могла посидеть спокойно. У Джоя были также повадки охотничьих собак. Он кидался на кур, уток и наводил на них страх своими прыжками и звонким лаем. Собак он задирали постоянно, но больше всего он ненавидел кошек. Чуть увидит, кинется. Да так злобно зарычит, точно разорвать собирается.

Раз как-то Джой попал в беду.

Шли мы с ним по пустынному переулку. Видим — сад, вдали дом. Сад большой, обнесен чугунной решеткой, и вдоль этой решетки тянется широкий каменный карниз.

Смотрим, — в саду, на дорожке дремлет большой рыжий кот. Не стерпел Джой. Звонко лая, словно ругаясь по-своему, он всей грудью налетел на решетку.

Кот приоткрыл один глаз и презрительно фыркнул, точно хотел сказать: «Держи карман! Меня не достанешь!..» Я звал Джоя назад, но где там!.. Он был вспыльчив и непослушен... Стал передними лапами на карниз, даже морду просунул между прутьями решетки.

Вдруг кот поднялся и сразу перестал быть котом. Перед нами был какой-то страшный зверь. Он прижал назад уши, весь ощерился, распушил хвост трубой и дико завыл. Джой дрогнул, соскочил с карниза и отпрыгнул назад... Еще миг — и кот перемахнул через решетку на карниз. Он грозно мяукал и так страшно сверкал своими зелеными глазами, что перепуганный Джой, поджав хвост, помчался вперед. Кот по карнизу вслед. Джой от него... Кот за ним...

Собака так струсила, что даже не догадалась перебежать на другую сторону улицы.

Так бежали они рядом до конца решетки, Джой — молча, а кот — с диким воем...

Но эта история не проучила Джоя.

Жили мы летом на даче.

Как-то раз идем мы с Джоем мимо чужого забора. Видим кошку. Маленькая такая, хотя и взрослая, серенькая. Она уютно устроилась на столбике забора. Поджала под себя лапки и дремала, зажмурилась глаза.

Джой точно прирос к земле. Как ни звал я его назад, он не обращал никакого внимания на мои окрики. Он нахально и дерзко ругал по-своему кошку.

Сначала кошка даже глаз не открывала, и мордочка ее выражала брезгливую досаду...⁴ Только уши ее изредка вздрагивали, когда звонкий лай становился особенно пронзительным. Наконец ей это надоело. Она поднялась, потянулась, зевнула и презрительно взглянула вниз, на своего врага. Это подзадорило Джоя. Он еще пуше залился лаем и стал кидаться на забор...

И вдруг... О ужас! Кошка сделал прыжок, и в один миг очутилась на спине у Джоя...

В первое мгновение Джой даже не понял, и осмотрелся кругом, словно спрашивая себя: куда же делась кошка? Но на спине сидела какая-то тяжесть, а через секунду чьи-то когти впились в его кожу, а над ухом раздавалось грозное завыванье...

Тут Джой понял в чем дело...

Поджав свой коротенький хвостик, он в безумном ужасе помчался вдоль дач...

Что это было за умора!

Мальчишки сбегались со всех сторон на это невиданное зрелище. «Ату! Ату его!» — кричали восторженно они и гурьбой мчались за собакой. Дачники хохотали до слез, глядя вслед. А Джой бежал все дальше и дальше. А кошка по-прежнему сидела на его спине...

Не знаю в точности, сколько времени так летел Джой, делая отчаянные прыжки, чтобы сбросить свою ношу. Но чем сильнее стремился он избавиться от нее, тем крепче и больше впивались в него когти.

Наконец, он вспомнил о своем доме, о своих хозяевах и кинулся назад... «Должны же ему помочь эти большие, умные двуногие, которым он привык верить, которые берегли и любили его!..»

Но... О несчастье! Ворота дачи были закрыты. В отчаянии Джой кинулся в подворотню и стал пробираться вперед, ползя по земле на животе.

Только это и спасло его. Кошка соскочила со спины Джоя. Но на прощанье, пока задние его ноги волочились еще по сию сторону улицы, мстительная кошка покусала их в кровь.

Весь дрожа в холодном поту, свесив на сторону язык, Джой кинулся на террасу, повалил стулья и чуть не сбил с ног шедшую навстречу хозяйку. В самой дальней комнате он забился под диван. Как ни кликали его, чтобы покормить, он не выходил. Только хвостик его стучал по земле в знак благодарности.

Лишь к ночи, когда закрыли ставни и заперли двери, Джой вылез из своего убежища. Спина его была в крови, и он жалобно скулил, положив мордочку ко мне на колени.

С тех пор он стал много осторожнее. На кошек не набрасывался и лаял на них издали с ненавистью, но с известным почтением⁵.

II.

Как Лютик сделался коммунистом

Рассказ из мира животных

Советская служащая Настенька проснулась среди ночи. На парадной лестнице дома коммуны, где она жила с больным отцом и теткой, слышался отчаянный и жалобный собачий визг.

— Что нам делать, тетя? Ведь отца разбудит... И откуда собака взялась? Лучше впустить ее...

— Что ты, что ты!.. А Барсик-то как же?

— Мы ее на кухню уберем до утра, а там выпустим...

Тетьа боялась. А вдруг она большая? А вдруг она укусит?

Но Настенька уже отворила парадную дверь. Визг стих. Испуганно смотрели они в темноту. Но где же собака?..

— Батюшки, да это щенок!.. — крикнула Настенька.

У ног их вертелось что-то маленькое, мохнатенькое, желтенькое. Настенька взяла щенка на руки, тот дрожал от страха, но уже с благодарностью лизал лицо и руки девушки.

— Ах ты, бедняжка моя! — сказала Настенька и положила щенка под постель. Но он так жалобно скулил, что пришлось взять его под одеяло. Щенок пригрелся и крепко заснул до утра.

Его прозвали Лютиком, потому что он был желтенький, как эти цветочки. Глаза у него были карие и очень умные. Скоро он подружился с Барсиком. Дружба эта выражалась в том, что он постоянно насакивал на кота с отчаянным лаем, а тот презрительно фыркал и отступал. Наконец, прижатый к стене, кот выпускал когти и давал щенку здоровую пощечину. Тот отскакивал, жалобно визжа, и лаял еще пронзительнее, но уже в почтительном отдалении.

Лютик был ужасный обжора. Он съедал свою порцию и накидывался на тарелку Барсика. Кот презрительно давал ему дорогу, но Лютик, не обращая внимания на это презрение, вылизывал до чиста всю тарелку.

Рос Лютик не по дням, а по часам. Характер у него был добродушный, ласковый, но за его живость и озорство, жильцы дома не любили его. Он все грыз, все рвал, что попадалось ему под ноги. Прыгал на столы, обнюхивая и поедая все, что там лежало. Не стеснялся прыгать и на плиту и, вообще, был плохо воспитан. Тетке было некогда смотреть за Лютиком, а Настенька уходила на целый день работать.

«Что за наказание такое! — ворчали жильцы. — Вот завелась язва-то! Покою от него нет...»

Сторож он был хороший, даже когда был совсем маленький. А через полгода это был огромный пес, но неуклюжий и смешной. Он был очень жизнерадостный и делал такие уморительные прыжки, что нельзя было без смеха смотреть на него.

Кухня была маленькая, а Лютик большой. И всем жильцам было тесно от него. Начнет махать хвостом, тарелки летят со стола.

— Тьфу, пропасть, — сердились жильцы. — Таковую собаку на дворе надо держать, а не в комнате...

Да в комнате держать его стало трудно⁶. Разыграется, — все на пол летит. Да и шерсть у него была вонючая, потому что он по целым часам гонял по грязному двору.

Наступил голодный год. Настенька и тетя очень бедствовали. Пекли лепешки из картофельных очисток и этими же очистками кормили собаку. Лютик так голодал, что уже не потихоньку, а нахально воровал провизию у жильцов. Купила соседка селедку и на минуту вышла из кухни. Вернулась. Лютик лежит на плите и ест селедку...

Барсику Настенька покупала изредка лошадиные кишки, а отцу делали котлеты из конины. Пшенная каша казалась сказочным пиршеством.

В переулке пала лошадь, замученная непосильной работой. Четыре дня валялась она на улице, заражая воздух. И что это был за пир для голодных собак!.. Лютик наелся всласть. Когда собрались убрать падаль, от лошади остались только скелет, хвост и голова.

Плохо жилось тогда и людям, и животным! Лютик стал реже забегать домой. Шаря по всем мусорным ямам, он встречал много других собак, еще более голодных, чем он сам. Он заметил, что эти собаки приходили стаей и стаей же убегали. На него они ворчали и шетинились, а друг друга не трогали. И был между ними вожакий, которого все слушались. Лютик проследил эту стаю, куда она уходит. Нашел ее на рынке. Там она бродила, подбирая все отбросы.

Раз вечером, когда Лютик⁷ сидел под воротами своего дома, знакомая стайка деловито пробежала мимо него. Собаки — их было восемь, — переглядывались, как бы разговаривая. Пользуясь наступающей темнотой, Лютик побежал за стайкой.

Бежали они долго и очутились загородом. Там, в деревянных хибарках, жили татары. В одном из их сараев висели туши убитых лошадей. Спрятавшись неподалеку, Лютик увидел, как вся стая прилежно рыла землю под воротами сарая, а одна собака стояла, как часовой, на стороже. Когда подрыли большую яму, две собаки поменьше влезли в сарай и вскоре показались с большими кусками кровавой конины в зубах. Но они не ели ее, а бросили наземь и опять полезли в подворотню. Самая большая собака села около мяса и,

когда самая маленькая подползла, чтобы полизать его, большая глухо зарычала.

Опять появились те две с кусками мяса в зубах. Один кусок был так велик, что тощая собака насилиу волокла его.

Лютик облизывался, чуя запах крови, и жалобно заскулил. Вся стайка заворчала.

Вдруг собака, бывшая на часах, издала короткий, но громкий лай. Вмиг вся стая, схватив куски мяса, кинулась бежать. Самый большой кусок достался впопыхах тощей собаке. Но она так испугалась, думая, что за ней погоня, что выронила свою добычу.

Лютик мгновенно подхватил мясо и пустился бежать за другими.

Пробежав с версту, собаки остановились. Они сразу же заметили потерю лучшего куска и забеспокоились. Но Лютик уже приближался к ним... Увидав собак, он лег неподалеку и начал пожирать свою великолепную добычу, уверенный, что погони за ними уже нет. Собаки подошли к нему, грозно ворча. Тогда он смиренно поднялся и лег в стороне⁸.

Разделившись на группы, собаки стали ужинать...⁹

Лютик все ждал... Неужели о нем не вспомнят?¹⁰

Когда стайка побежала дальше, оглядываясь на Лютика и дружелюбно помахивая хвостами, Лютик подошел к месту пиршества. Там лежали обглоданные кости. Лютик жадно накинудся на них. Сладко заснул Лютик в эту ночь...¹¹

Часто с тех пор Лютик встречался с знакомой стайкой. Ни одна из этих восьми собак не бегала отдельно. Многие из них узнавали теперь его, давали себя обнюхивать и не ворчали, когда он бежал за ними. . . Очевидно они не забыли его...¹²

Лютику очень нравилась эта кампания. С ней было весело и даже не страшно, когда дворники, гроза всех собак, гнались за ними с метлами. Лютик понимал, что в одиночку его изобьют, а тронуть в такой толпе не посмеют.

Настало лето. Кошек стало мало, должно быть, подошли с голоду. Собаки дичали и нередко бесились.

Раз как-то во двор дома забежала бешеная собака и перекусила некоторых животных на дворе. Лютик, к счастью (sic! — А.Г.), в это время был дома.

— Всех убить! — решили жильцы дома. — Чего их жалеть? Все равно, передохнут с голода.

Настенька горячо отстаивала Лютика, плакала, прятала собаку в свою комнату и не пускала его на улицу. Но он так привык к свободе, что не мог усидеть дома. Он убежал через кухню и черный ход на двор. Только что он, распутив хвост трубой, собирался пробежаться по двору, как вдруг задолжал всем телом и забился в самый темный угол сеней. То, что он увидел на дворе, было ужасно!.. Две собачки, жившие наверху, бегали теперь по двору, отчаянно визжа, а за ними гнались люди с поленьями в руках. Лютик видел, как одну убили насмерть, а другой раскрыли голову, когда она пыталась пролезть в дверь.

Умная собака догадалась, что ее ждет та же участь. До самой ночи пролежал Лютик неподвижно в своей засаде и слышал, как по лестнице вверх бежали люди. Это они искали его, чтобы убить, а Настенька отчаянно кричала на них и плакала. С любовью и благодарностью подумал о ней Лютик, но решение его было твердо принято. Как только двор опустел, и ворота закрылись, Лютик ловко перескочил через низенький забор на двор соседей, и во всю мочь помчался к рынку.

Так и есть!.. Стайка не спала еще, а бродила, обнюхивая все углы. Смирненно помахивая хвостом, Лютик подошел к собачьей коммуне и остановился. В его карих глазах была мольба. Собаки тихонько поворчали, обнюхивая его, и перестали обращать на него внимание. А он осторожно ходил за стайкой и, почтительно вилял хвостом.

А через два дня Лютик уже подружился с товарищами и чувствовал себя в стае, как дома. Он был большой, сильный, веселый и смелый. Одичавшие собаки как будто оценили все его достоинства.

Но озорству Лютика пришел конец. Два раза старая собака, которую все слушались, оттрепала его за непослушание. С тех пор Лютик стал шелковым.

Весело и легко стало жить Лютику. Конечно, и он голодал со всеми прочими, но в компании все это легче переносилось. А, главное, — была свобода. Никто на него не ворчал, как было дома, не грозились убить, не страшны были дворники...

Когда стая бежала по улице, все почтительно давали ей дорогу. Ночевала вся коммуна в¹³ сквере, на Собачьей площадке. И когда ночью коммуна шла в обход по переулкам, чтобы пошарить по дворах в мусорных ямах, встречаться с ней было жутко. И запоздавший прохожий испуганно шарahalся в сторону¹⁴.

III. Наши пионеры¹⁵

Дачный¹⁶ поезд отходил в Москву. Платформа быстро пустела. Места в вагонах спешно занимались. Пробил третий звонок.

— Почему мы не трогаемся? — спросила кондуктора какая-то женщина. Тот стоял недалеко от вагона и глядел, улыбаясь, вдаль.

— В самом деле, почему задержка? — заволновались другие пассажиры.

— Пионеры идут, — ответил кондуктор¹⁷.

Все кинулись к окнам.

К станции с барабанным боем стройно, нога в ногу, подходил отряд подростков. На солнце ярко горели красные галстучки. Их было не менее сорока человек. За плечами у иных были скатанные простыни, у других чугунки и вешевые мешки у всех. Один нес топор. При каждом звене шел свой звеньевой. Вожатый — юноша-комсомолец, так называемый инструктор, руководил всем отрядом, а впереди всех шел барабанщик¹⁸. Ловко и четко он отбивал марш. Лица детей были здоровые, покрытые загаром. Глаза и зубы сияли улыбками.

Перед платформой отряд остановился. Вожатый сказал что-то. Барабанный дробь стихла.

— Полежайте скорее в вагоны, — крикнул кондуктор¹⁹. — Занимайте места. Вас только и ждали.

Дети, шумно болтая и смеясь, наполнили вагоны. Поезд тронулся. С любопытством глядели пассажиры на них. Один из пассажиров²⁰, в очках, с бородой, — зорко приглядывался к барабанщику. Вдруг он подошел к мальчику и положил руку ему на плечо.

Коля!²¹ Неужели это ты?

Василий Иванович!²².. Голубчик!..

Мальчик кинулся мужчине на шею. Они крепко расцеловались.

— Вот я вас сразу узнал. Вы все такой же, — радостно говорил мальчик.

— А ты, брат, изменился. Вырос, возмужал... Сколько тебе лет теперь?

— Четырнадцатый год пошел. А тогда семь было.

Они сели рядом. Соседи потеснились и слушали их с любопытством.

— Так ты теперь пионером стал?

— Да. А скоро и комсомольцем буду.

— Давно ли из ремесленного приюта ушел? — спрашивал Василий Иванович.

— А после Октябрьской революции... Сразу попал в детский дом. Там и вырос.

— Откуда же вы сейчас? Где ты был?

И Коля с воодушевлением стал рассказывать.

Их отряд все лето провел в лагерях... по этой самой дороге. Он назвал деревню. Жили у леса, в палатках. Вбили кольца, навесили на них простыни свои, вот и палатка готова. На день мы их убирали. Вставали рано и шли в поле помогать семьям красноармейцев.

— Много, знаете, — объяснял Коля, — таких семей, где мужья и братья в армии, а бабы одни маются. Вот мы им и помогали: косили, убирали сено, а прошлый год — рожь и овес... Ведь это наш долг помогать им, — важно добавил мальчик. — Мы всегда к этому готовы.

— Молодец! — рассмеялся Василий Иванович и хлопнул мальчика по плечу.

Все с интересом глядели на подростка.

— Вот какие теперь дети растут!.. Не то что наши хулиганы деревенские, — заметила пожилая баба. — Хоть бы вы их пристыдили.

Коля весело посмотрел на нее.

— А мы, тетенька, стараемся. Мы всегда рады, когда к нам деревенские идут... Робеют они только. А мы рады... Учим их, чтоб не пили, не курили...

— Чтоб не сквернословили, главное, вот что, — подхватил мужик-огородник, который все время прислушивался к беседе. — Очень уж озорные растут у нас дети...

— Ну, насчет этого у нас строго, — перебил Коля. — Ни курить, ни в карты играть, ни пить, ни ругаться нельзя. Даже семечки лущить запрещается в отряде²³.

— Ишь ты! Ишь ты! — дивилась баба.

— А то живо разжалуют из пионеров. А уж это такой стыд всякому, — пояснял Коля.

— Ишь ты! Ишь ты!..

— А что же это у тебя за книжка? — спросил Василий Иванович. Он указал на записную книжку, торчавшую из кармана мальчика.

Коля покраснел.

— А это я... Василий Иванович... заметки свои делаю.

— Да ну!.. О чем?

— Записываю как день провел. Что видел интересного... Вот, о погоде тоже... Сказано нам: наблюдай... природу люби... Владимир Ильич любил ее и животных тоже... И мы по-настоящему тоже должны любить ее... и все живое... Встретим белку, либо зайца... птичку увидим... проследить надо, как они живут, чем питаются... Или вот погода тоже... Я уж кое-что заметил. Коли на закате по чистому небу облако такое, длинное-длинное протянулось, — не миновать сильному ветру. Я в это лето ураган товарищам предсказывал. И как было приятно, если ошибки не выходило... Или вот когда закат красный-красный, как кровь, это тоже к ветреной погоде... А как сядет солнце в тучу, и оттуда ветер задует, это к дождю. Значит, надо сено прибирать вовремя...

— А когда ты все это писал?

— А перед сном. Мы, бывало, вернемся в лагери (sic! — А.Г.) к вечеру, раскинем палатки, одна смена пойдет за хворостом, разведет костер, картошку на ужин станет варить, или еще что, а я у огня прикорну, да и пишу, лежа на земле. Хорошо было, весело, — вздохнул Коля невольно.

— А в городе скучнее? — поинтересовался огородник.

— В городе тоже хорошо... игры разные, упражнения... пение... Да уж очень я природу люблю... Так бы из лесу да из поля не выходил бы... Слушал бы да глядел, да нюхал, — рассмеялся Коля. — И как солнце всходит, и как день кончается²⁴, и как месяц покажется, все интересно...

— Вот, поди ж ты! — удивился огородник, обращаясь к окружающим. — Что значит учеба!.. А мы вот до старости дожили, да так и не думали. Встает солнце, и нам вставать. Стемнело, и нам ложиться... Приметы, это верно..., и мы их держимся. Потому, отцы и деды по ним хозяйство вели... Но чтоб так... закаты там разные... да месяц...

Он не договорил и, махнув рукой, почесал за ухом.

— Что ж, порадоваться за них можно, — заметил Василий Иванович. — Насколько их жизнь полнее и счастливее вашей. А из Коли гляди, писатель выйдет, стихи печатать будет...

— Что говорить! — подхватила баба.
С невольным уважением все глядели на детей.

Так и не заметили, как подъехали к Москве.

Инструктор²⁵ вошел в вагон и сделал мальчикам знак. Коля вскочил и на этот раз, хоть и хотелось ему обнять старого друга, но, видя, что весь вагон глядит на него, он подавил свой порыв. Только крепко пожал руку Василия Ивановича.

— Навестите меня поскорее, — сказал он и дал адрес своего дома²⁶.

— Стройся! — скомандовал инструктор²⁷, когда дети вышли на перрон.

Забила дробь барабана. Коля опять шел впереди. За ним выступал отряд²⁸. Столпившаяся публика с улыбками глядела им вслед. И хорошие это были улыбки²⁹.

IV.

Воспоминания³⁰ о Ленине пионерки Шуры Андреевой, записанные с ее слов³¹

Она чистит на кухне картофель. Я подсаживаюсь.

— Так ты говоришь, что видела Ленина?

— Три раза видела. В первый раз это было осенью, в 1921 г. Я тогда в детском доме жила, на Пречистенке. И кормили нас очень плохо. Сначала хорошо кормили, а потом совсем голодно стало: ни масла, ни хлеба белого... Пшено и то не каждый день...

И вот один раз приезжает к нам на автомобиле гость. Нас³² всех в залу собрали... Никто его не ждал. Вышло нечаянно. Подал он нам руку, ласково так спрашивает: «Как кормят вас, детки? Хорошо ли учителя с вами обращаются?..»

Мы все хором кричим: «Плохо нам теперь, голодно... А учителя добрые. И руководительницами мы довольны».

А заведующая обходит наши ряды и шепчет: «Это Ленин... Владимир Ильич... наш вождь...»

Ай, батюшки!.. И ушам не верю... Все мы себе его представляли высоким, сильным, красивым... Великан, думали... потому что

вождь... победитель... А он невысокий, лысый... Глазки маленькие, сощуренные... И смеется ласково... И всем руку подает... Простой такой... Недолго он пробыл у нас. Мы полночи не спали, все о нем говорили... И досадно было, зачем он маленький и простой такой... А руководительница наша Анна Васильевна твердит: «Это великий человек... Вы любить его должны и почитать...»³³ Что вы для него? А он вас всех жалеет и любит...»

И верно, что пожалел... На другой день нам навезли припасов... Чего только не было! И муки белой, и пшена, и сахару... Стали мы опять хорошо есть...

— А второй раз, где ты его видела?³⁴

— Он к нам на елку приехал, в том же году³⁵. Елка у нас была богатая. Всем подарки дали. Но он недолго с нами пробыл, в другой дом спешил... А все-таки и пел с нами, и хоровод водил, и болтал... И чай с нами пил...

Шура³⁶ задумалась.

— В последний раз я видела его первого мая³⁷, в том же году³⁸... Нас с утра усадили в автомобиль, и мы катались по Москве, и на Красную площадь ездили. А потом привезли нас на Девичье Поле. Большой такой дом, и в нем детская столовая устроена. Смотрим, Ленин в кресле сидит, ноги у него тогда болели. Со всеми за руку поздоровался, обступили мы его... Совсем не боялись с ним говорить... И хорошо нас тут угостили. Дали всем по полфунта белого хлеба с красной икрой. Крупная такая икра. И какао³⁹. Сидели за большущим столом. И он с нами пил. А рядом, на другом столе, — подарки для нас приготовлены: пакетики бумажные. А в них по полфунту⁴⁰ конфет, орехи, пряники... К двум часам мы домой вернулись. И за обедом нам по большому куску курицы дали. Жирная такая... Не пришлось потом такой есть. И опять к нам Владимир Ильич заехал. Мы в саду были. Сад у нас большой был, и площадка для игр.

— И он играл с вами?

— Да, только недолго, хромал он. Не знаю, как эта игра называется с мячиком... Крокет, что ли? Я не умею... И все мы ему так рады были! Точно родному... Когда уезжал, мы автомобиль обступили. Те, кто поменьше, кричат: «Прощай, дедушка!» А мы кричим: «Спасибо! Возвращайтесь скорей!» Но так он и не вернулся... И не видела его больше... Может быть, он и бывал потом в этом доме, без меня...

— А где же ты-то была? — перебиваю я.

— После первого мая нас всех по домам распустили. Оставили только круглых сирот, которым деться некуда!.. Я же домой вернулась.

Шура смолкла и озабоченно чистит картофель.

— Тебе его жаль, Шура? — спрашиваю я после недолгого молчания.

— Очень жаль... Конечно, вот такие дурачки, как наш Мишка⁴¹, радуются... «Эх, хорошо. Два дня гуляли!..». Но мы то, пионеры, понимаем, что не до гулянья теперь... А нас — детей — как он любил!.. Много мы в нем потеряли...⁴²

Примечания

¹ Подробнее см. А. М. Грачева «А. А. Вербицкая» [Грачева 1989].

² См. переписку А. Вербицкой, М. Ольминского, С. Мицкевича [Дискуссия о Вербицкой 1926, 58–61].

³ См. подробнее см. Н. Б. Лебина «Советская повседневность: нормы и аномалии» [Лебина 2018].

⁴ *Зачеркнуто*: (гримасу)

⁵ *Под текстом подпись*: Ольгович.

⁶ *Было*: А в комнате тоже держать его было трудно.

⁷ *Было*: он.

⁸ *Было*: Он сам не понимал, почему он не удрал в сторону, чтобы съесть одному свою великолепную добычу. Он подошел к стайке и положил кусок на землю, а сам скромно прилег в стороне.

⁹ *Было*: Собаки встретили его визгом и добродушным ворчанием. Разделившись на группы, они стали ужинать...

¹⁰ *Зачеркнуто*: Оказалось, что вспомнили...

¹¹ *Было*: Там осталась и его доля, огромная кость с объедками мяса. Сладко поужинал Лютик в эту ночь...

¹² *Было*: его услуги.

¹³ *Было*: на.

¹⁴ *Под текстом — подпись и номер домашнего телефона А. А. Вербицкой*: Ольгович. 251—92.

¹⁵ *Зачеркнуто*: Ваня с птичкой

¹⁶ *Рукописная помета слева на полях*: Рассказ для пионеров

¹⁷ *Зачеркнуто*: — Что такое? Какие пионеры?

¹⁸ *Зачеркнуто*: ...у других чугунки и мешки, у третьих — колышки. Сбоку шел вожатый, юноша-комсомолец, а впереди его помощник, он же и барабанщик.

¹⁹ *Было*: а) сказал б) заявил

²⁰ *Было*: Пассажир, с виду похожий на учителя,

- ²¹ *Было:* Ваня! Далее в тексте последовательно произведена замена имени героя на: Коля.
- ²² *Было:* Александр Васильевич! Далее в тексте последовательно произведена замена имени и отчества героя на: Василий Иванович.
- ²³ *Было:* Даже семечки лущить запрещается
- ²⁴ *Было:* а) настанет и б) погасает в) кончается
- ²⁵ *Было:* Вожатый
- ²⁶ *Далее зачеркнуто:* Тот обещал.
- ²⁷ *Было:* вожатый
- ²⁸ *Было:* а) шел б) следовал
- ²⁹ *Под текстом подпись:* Ольгович
- ³⁰ *Над текстом зачеркнуто:* (С подлинного)
- ³¹ *Было:* Воспоминания Шуры о Ленине, записанные с ее слов
- ³² *Было начато:* Вошел
- ³³ *Зачеркнуто:* Почему?
- ³⁴ *Зачеркнуто:* а) перебила я. б) перебиваю я.
- ³⁵ *Зачеркнуто:* в 1921-м.
- ³⁶ *Было начато:* В по<следний>
- ³⁷ *Было:* в мае, первого
- ³⁸ *Зачеркнуто:* — Расскажи, Шура...
- ³⁹ *Вставлено карандашом и зачеркнуто:* И по чашке какао.
- ⁴⁰ *Было:* по фунту
- ⁴¹ *Было:* как наш Ванька или
- ⁴² *Под текстом подпись:* Ольгович

Литература

Источники

- Дискуссия о Вербицкой 1926* — Вербицкая А. Письмо М. Ольминскому; Ольминский М. Ответ Вербицкой; Мишкевич С. И. В защиту Вербицкой // На литературном посту. 1926. № 7—8. С. 58—61.
- Луначарский 1926* — Луначарский А. В. Мешанская добродетель // Красная газета. Веч. выпуск. 1926. № 143. 22 июня. С. 2.
- Луначарский 1967* — Луначарский А. В. Ольминский как литературный критик // Собр. Соч: В 8 т. / А. В. Луначарский. М.: Художественная литература, 1967. Т. 7. С. 467—475.
- Неон [М. Ольминский] 1911* — Неон [М. Ольминский]. Заметки // Звезда. 1911. 29 окт., № 27. С. 2.
- Чуковский 1914* — Чуковский К. Интеллигентный Пинкертон // Книга о современных писателях / К. Чуковский. СПб.: Шиповник, 1914. С. 7—21.

Исследования

Грачева 1989 — Грачева А. М. А. А. Вербицкая // Русские писатели, 1800–1917: Биограф. словарь / Ин-т рус. лит. (Пушк. дом) Рос. акад. наук; гл. ред. П. А. Николаев. М.: Советская энциклопедия, 1989. Т. 1. С. 418–420.

Грачева 2011 — Грачева А. М. Диалоги Януса: беллетристика и классика в русской литературе начала XX века: портреты. Этюды. Разыскания. СПб.: Пушкинский Дом, 2011.

Лебина 2018 — Лебина Н. Б. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. 3-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 2018.

References

Gracheva 1989 — Gracheva, A. M. (1989) A. A. Verbitskaya [A. A. Verbitskaya]. In P. A. Nikolaev (Ed.), *Russkie pisateli, 1800–1917: Biogr. slovar'* [Russian Writers, 1800–1917: Biogr. dictionary] (Vol. 1, pp. 418–420). Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.

Gracheva 2011 — Gracheva, A. M. (2011) *Dialogi Yanusa: belletristika i klasika v russkoy literature nachala XX v.* [Janus's Dialogues: Fiction and Classics in Russian Literature at the Beginning of the 20th Century] Saint-Petersburg: Pushkinskiy Dom.

Lebina — Lebina, N. B. *Sovetskaya povsednevnost': normy i anomalii. Ot voyennogo kommunizma k bol'shому stilу* [Soviet everyday life: norms and anomalies. From War Communism to Big Style] (3rd ed.). Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye.

Alla Gracheva

Institute of Russian Literature (The Pushkin House) of Russian Academy of Sciences; ORCID: 0000-0002-4708-098x

“CHILDREN’S PROSE OF THE 1920S BY ANASTASIA VERBITSKAYA, THE BANNED WRITER ANASTASIA VERBITSKAYA / INTRODUCTORY NOTE AND PUBLICATION OF TEXTS BY A. M. GRACHEVA”

The introductory note to the publication analyzes the reasons for the success of A. A. Verbitskaya “modern novels” “The Spirit of Time” and “ Keys of Happiness” with the young reading audience of the 1910s. In these two bestsellers the writer was able to combine a diverse, aesthetically and politically relevant topic of interest to the younger generation with the poetics of the adventure and adventure novel genres that descended from the heights of classics into the field of fiction. Verbitskaya managed to achieve, as K. Chukovsky put it, a successful “combination of Rockambole and Darwin, Pinkerton and Marx”. Having banned Verbitskaya’s novels in 1924, the new government, represented by N. Bukharin, gave the writers the task of creating new entertaining literature, their own “communist Pinkerton”, in effect urging them to continue the stylistic traditions of Verbitskaya’s rejected and banned literary experiments. In the Appendix, Verbitskaya’s stories from the 1920s are published for the first time from archival sources: “Joy”, “How Buttercup became a communist”, “Our pioneers”, “Memories of Lenin by pioneer Shura Andreeva, recorded from her words”.

Keywords: Anastasia Verbitskaya, genre of adventure novel, fiction, Soviet children’s literature